

ОЧЕНЬ НЕБОЛЬШОЕ ВВЕДЕНИЕ

— Как же я обожаю такие вот мгновения счастья! — Подставляя лицо утреннему солнцу, я с удовольствием затянулась первой сигаретой. — Море, солнце, пальмы и никакой работы!

— Держи, счастливая отпускница, — протянул мне чашку с кофейным ликером Жорка.

Вот уже пять лет был у нас особый, «свой» ритуал — во время отпусков на всяких там Сейшелах, Гавайях и прочих Доминиканах, каждое утро, только поднявшись с постели, выйти на балкон, выкурить первую, самую вкусную, «фэншуйную» сигаретку и, медленно-медленно потягивая кофейный ликер, из чашки, не из рюмки, смотреть на море...

— Спасибо, дружище... — отсалютовала я чашкой.

— Ирусь, мы сегодня на дайвинг идем, ты помнишь? — Допив ликер, Жора затушил сигарету и зарылся лицом в мои волосы. — Ты не против, если я первый в душ?

— Давай, — улыбнулась я. — А я пока докурю.

Да, мы с Жоркой любовники. Как-то так вот получилось. Внезапно, непредвиденно и неправильно. Собственно, и он, и я — взрослые, самодостаточные, давно состоявшиеся люди. Я работаю директором по управлению персоналом в корпорации брендовых аксессуаров, Жорка — профессор, неплохо так кормится с международных грантов. У каждого — своя семья, дети. Тут уж ничего не поделаешь. Не рушить же жизнь своих близких, если в наших седых жопах вдруг заиграла любовь. Иногда так бывает — любовь догнала, настигла и причинила взаимность. И теперь мы, как семиклассники, держимся за ручки, млеем и краснеем, глядя друг на друга. И так уже пять лет подряд. Пять лет периодических встреч тайком, сердечной боли и вот таких вот

«украденных» у семей отпусков, когда только море, солнце и мы с Жоркой... вдвоем...

— Иришка, я всё!

Я взглянула на кусты магнолий на фоне ослепительно синего моря и встала с кресла... И внезапно мир завертелся, завертелся, и наступила темнота...

«Это расплата...» — только и успела подумать я...

ГЛАВА 1

— Лидия Степановна, вы слышите меня? — Скрипучий монотонный голос назойливо бубнил где-то рядом.

Я с трудом разлепила глаза. Лучше бы я этого не делала. Боль жажнула где-то в затылке, перед глазами все плыло.

— Лидия Степановна, что с вами? Вам плохо? — Голос продолжал нудно вгрызаться в мой мозг. С трудом сфокусировав взгляд, я присмотрелась: передо мной стоял невнятный мужичок в очечках с толстыми стеклами. Одной рукой он удерживал распухшую папку, а другой тряс меня за плечо.

— Лидия Степановна... — опять завелся неугомонный мужичок.

— Хма-а-а?... — прохрипела я.

— Ох, Лидия Степановна, напугали вы меня, — обрадовался мужичок. — Я штатное принес, смотрю, а вы тут...

— Ы-ы-ыхм... — Я схватилась за горло. — Ч-ч-что?

— Штатное, говорю, принес. На шестой вагоноремонтный участок. — Мужичок осторожно пристроил папку передо мной на столе и бочком начал пробираться к выходу. — До понедельника нужно сделать. В трех экземплярах...

Хлопнула дверь, а я вместо номера пятизвездочного отеля вдруг обнаружила узкий чулан с ободранной штукатуркой. Но рассмотреть его я не успела: дверь опять хлопнула, и в нее просунулась женская голова в сером мохеровом берете:

— Горшкова, подпиши!

На стол передо мной опустился листок желтоватой писчей бумаги.

Я машинально всмотрелась — список фамилий и подписи, другого текста не было.

— Что это? — подписывать непонятные документы я никогда не буду.

— Ой, не выделяйся. — Женщина ворвалась в комнату и нависла надо мной. — Подписывай, давай!

— Еще раз повторю, что это такое?

— Ты что, совсем, Горшкова? — От удивления густо намазанные тушью ресницы захлопали и несколько комочков отвалились. — Все подписывают это, и ты подпиши.

— Это — что? — Ситуация начинала раздражать. — Сбор средств голодающим детям Африки? Поздравления с Днем влюбленных? Что именно?

— Детям Африки мы еще в прошлом месяце средства отправили, — поджала губы женщина. — А этим влюбленным не поздравления, а порицание от коллектива собираем. Товарищеское собрание завтра в восемь. Ох и пропесочим их!

Окончательно впав в ступор, я машинально черкнула на листочке какую-то загогулину, и женщина облегченно упорхнула.

Это что же получается? Я осмотрела кабинет. Дичь какая-то. Да, все-таки это не чулан, а кабинет. Донельзя убогий, со вздутой кое-где побелкой на потолке и вековым массивным письменным столом. Два крашенных унылой темно-синей краской шкафа с бумагами занимали почти все пространство. Напротив — узкое оконце.

Как они меня называли? Горшкова... как там? Петровна? Нет — Степановна вроде. И имя-то какое — Лидия. Горшкова Лидия Степановна, стало быть. Почему-то стало весело. Я много читала о попаданцах, это тема модная, особенно среди молодежи. А в департаменте по управлению персоналом, который я возглавляю вот уже пятнадцать лет, молодежи было достаточно. Точнее будет сказать — возглавляла. Или как? Я ущипнула себя за ладонь — таки да, не бред и не галлюцинации. Я действительно попала в другую реальность.

Попаданка, блин.

Неожиданно стало так смешно, что я зашлась в хохоте. Аж слезы брызнули. Чтобы остановить истерику, резко вдохнула-выдохнула, встала и подошла к окну. Оно выходило во внутренний двор, где несколько голых ясеней, большая куча

песка и грузовая машина давно устаревшей модели пейзаж не украшали. Взгляд сместился в сторону, и тут на стене я увидела зеркало.

Но лучше бы я его не видела!

На меня смотрело юное, донельзя щекастое и курносое лицо, с пуговичными глазками неопределенного цвета. Выщипанные бровки и по-бараньи мелкие пергидрольные кудряшки, сколотые пластмассовой заколкой в виде гипертрофированной лиловой рыбки, добились окончательно. Так что на невеликий рост и короткие толстые ножки я почти не обратила внимания.

Вот так вот.

Я посмотрела на неизбалованные кремом и маникюром ручки и обнаружила кольцо. Обручальное.

Опа! Так мы, выходит, замужем. Интересненько. Оказывается, в этом мире есть ценители и таких вот кудряшек. Блин, и что теперь делать? Мысли заметались в разные стороны. Спать с каким-то посторонним дядькой не буду. Хоть убей — не буду! Что же делать, бли-ин? Что делать, что делать — разводиться! Судя по всему, это не Средневековье, и здесь люди, а не эльфы или, не к ночи будь помянуты, котики.

Я несколько раз глубоко вдохнула, пытаюсь успокоиться.

Так, теперь нужно разобраться, куда именно я попала и где я в этом мире живу. Беглый осмотр россыпи бумаг на столе показал, что я оказалась ни много ни мало — в 1980 году. А на дворе было 1 апреля. Обхохочешься, мать его!

Торопливое исследование содержимого дерматиновой сумочки с облезлыми ручками особой ясности не внесло: в кошельке нашлась трешка, советская, и немного мелочи. Тюбик с помадой ради интереса раскрутила, помада светломорковного цвета (кто бы удивлялся!) почти закончилась, и Горшкова Лидия Степановна выковыривала ее оттуда спичкой. Рачительная девица, чего уж там. Еще обнаружилась пластмассовая расческа с мелкими зубчиками (интересно, и как этим расчесывать кудри?), катушка черных ниток с иглой (рукодельница?), носовой платок, скрученная авоська

(капец!), упаковка ваты (вот на фига?), металлический значок с Чебурашкой (родовой тотем? ха-ха), сморщенное яблоко, связка ключей, подтаявшая карамелька «Клубничная», и бинго! — я нашла две мятые погашенные квитанции (ура!), которые, на мое счастье, завалились в дырку в подкладке. Первая — об оплате за свет (аж целых 2 рубля и 35 копеек!), но главное — внизу был от руки написан адрес: улица Ворошилова, дом 14, квартира 21.

Супер! Я теперь знаю, где я живу!

Однако долго радоваться не вышло: на второй квитанции «за водоснабжение», где сумма была вообще фантастическая — 17 копеек (17 копеек, Карл!), стоял адрес: улица Механизаторов, дом 8, квартира 2. И запись была сделана той же рукой.

Ну вот, теперь я опять не знаю, где я живу...

Не, ну почему такая непруха? Ну, ладно я теперь попаданка, примем за данность, но, блин, у меня не то что всяких магических способностей нету, но даже памяти предыдущей владелицы этого толстозадого тела и то не осталось. Не скрою, швыряться направо-налево файерболами и испепелять одним взглядом было бы прикольно, но, блин, хотя бы некоторые фрагменты памяти можно же было оставить?!

И как вот теперь?

Даже если я сегодня заночую в этом унылом кабинете на столе, то все равно рано или поздно придется идти домой. А если я не приду ночевать, то доставшийся в виде бонуса супруг Лидии Степановны будет, мягко говоря, озадачен. Это в лучшем случае.

Остается два варианта: искать, где я живу, самой или брать такси, и пусть меня привезут. Один из этих адресов однозначно должен быть моим.

Но самой искать нереально — города я не знаю, а навигаторов в это время еще не сочинили. А на такси хватит ли денег? И, опять же — мобилок еще нету, как вызвать такси?

М-да-а-а-а... засада... Кругом одна засада...

Резкий протяжный гудок заставил подскочить. В коридоре слышались голоса, топот. По всей видимости, это был конец рабочего дня, и народ устремился домой.

— Лидочка, ты идешь? — В двери возникла кареглазая девушка с забавной челкой.

Я обрадовалась: вот мой личный Харон, который однозначно знает, где живет это тело, и поможет мне пройти этот безумный квест.

— Да, конечно, — как можно дружелюбнее улыбнулась я. — Сейчас только...

Я торопливо открыла один шкаф, второй, но нигде верхней одежды Лидии Степановны не было.

— Лидусь, а что ты ищешь? — заинтересовалась девушка.

Блин, а я ведь даже имени ее не знаю. И что отвечать не знаю. От конфуза меня спасла защитница детей Африки.

— Тонечка, у тебя червонец занять можно? Мне до полочки, — затараторила она, обращаясь к девушке. — В «Военторге» выбросили финские плащи, моему как раз подойдет. Я уже и отложила.

Пока Тонечка доставала деньги, я нашла нужный шкаф, где висело синтетическое пальтишко веселенькой дачной расцветки. В принципе, ожидаемо.

Мы вышли из здания с массивными аляповатыми колоннами. Шагнув в новый мир, я обернулась, чтобы запомнить, куда вернусь завтра. Вывеска на входе гласила: «Депо „Монорельс“» и ниже, более мелкими буквами: «Колесно-роликовый участок ВЧДР-4».

Замечательно!

После многолетней работы в огромной корпорации брендовых аксессуаров, с гигантской сетью фирменных и франчайзинговых магазинов в Риме, Венеции, Барселоне, Париже, да что там говорить — даже в Сантьяго-де-Чили и в Плайя-дель-Кармен и то были наши представительства, — и вот, после всего этого, теперь я работник депо «Монорельс»!

Вот честно, я бы сейчас бахнула мартини. А лучше — коньяку.

Мы вышли на шумный проспект, оживленный, но какой-то бесцветный, что ли. Глаза напрягало отсутствие ярких красок и привычной какофонии рекламных щитов, билбордов, арт-баттловских панно и ларьков с шаурмой. Фасады панельных зданий невыразительно серели или же были украшены панно в духе соцреализма (так называемое искусство повседневности, или повседневность искусства). Я даже умилилась. Хотя, может, все бесцветное потому, что было 1 апреля и деревья стоят голые. Тем временем Тонечка всё тараторила и тараторила, так что я поневоле стала вникать.

— ...и можешь себе представить весь этот скандал — она тайно встречалась с этим Антоном. А он ее на 12 лет младше! Они даже хотели пожениться, но Тамара Семеновна говорит...

— А сколько ему лет? — Я рассматривала людей, точнее советских граждан, в повседневной одежде кардинально немарких расцветок, и мне стало еще более грустно.

— Антону? — удивилась Тоня. — Двадцать два года где-то, он с армии как пришел, на заводе два года отработал.

— А ей тогда получается 34? — Взгляд скользнул по автобусной остановке и зацепился за фотографии ударников социалистического труда на двухметровой доске почета.

— Еще 33, в ноябре будет 34, но ты представляешь...

— И они оба свободны? — Я смотрела, как из автобуса грузно вышла женщина с авоськами, из которых торчали упакованные в серую плотную бумагу свертки. Ее клетчатый платочек сбился, и слипшиеся от пота волосы лезли в глаза, она их сдувала, так как руки были заняты. Сгорбившись, поправляя плечом съезжающий на щеку платок, она побрела к гастроному, переваливаясь как утка.

— Да, но она...

— Тонь, а в чем соль всей этой истории? Два свободных совершеннолетних человека полюбили друг друга и решили пожениться. Что здесь не так?

— Она же старше его!

— И что? Это — ее дело... — Черт, кажется, я начинаю понимать, куда я попала и что эльфы были бы более подходящим вариантом.

— Ты что, Лида, нельзя же так...

К счастью, дискуссию пришлось свернуть, так как на кирпичной стене я увидела вывеску «ул. Механизаторов, 8». Очевидно, мой дом.

— Тонь, всё, я пришла, давай до завтра!

Тоня, которая уже набрала воздуха для очередного аргумента, так ничего и не ответила и, резко отвернувшись, целеустремленно зашагала дальше. Обиделась. Жаль, неплохой вроде человек.

Я шагнула в подъезд. Там, в квартире № 2, меня ждало знакомство с супругом.

* * *

Квартира Лидочки Горшковой оказалась не совсем ее. Точнее, квартира была коммунальная, с высокими потолками, наверняка узкими комнатами за скучными дверями по обе стороны коридора и застарелым запахом убежавшего молока. В прихожей громоздилась инсталляция из санок, велосипеда и каких-то коробок.

Пока я пыталась угадать, какая именно из четырех комнат моя, дверь той, что слева, распахнулась, и на пороге возник печальный мужчинка с намечающимся животом, белобрысый и усатый. На вид ему было около 30—35 лет, хотя в это время люди старели быстрее, так что вполне могло быть и 25. Он исподлобья уставился на меня и многозначительно молчал.

Ну, я тоже рассматривала его и тоже молчала. Во-первых, я подозревала, что это и есть Горшков, супруг Лидии Степановны, но это было не точно. Во-вторых, я банально не знала ни имени этого супруга, ни о чем с ним говорить.

Пауза затягивалась.

Наконец мужчинка не выдержал и мрачно сообщил:

— Суп прокис.

Я продолжала молчать. Потому что не понимала, какой реакции он ожидал от супруги — станет просить прощения, побежит варить новый суп, начнет рыдать, пойдет повесится, в конце концов. Но хоть одно радует — теперь стало понятно, что это и есть супруг Горшков, потому что, по логике, какое дело постороннему человеку до супа Горшковых?

Не дождавшись от меня ответа, Горшков расстроено добавил:

— И рубашку ты плохо погладила, Лидия. На рукаве две складки и у воротника.

А вот это уже серьезное обвинение, пойду, значит, повешусь. Что-то на ха-ха меня пробивает, поэтому, чтобы прекратить зарождающуюся истерику, я резко вдохнула и выдохнула. Очевидно, приняв мою реакцию за полное признание вины, Горшков нахмурился и продолжил:

— А вчера ты купила килограмм фарша по рубль семьдесят пять, а в центральном гастрономе можно было взять за рубль шестьдесят...

От неожиданности я икнула.

Горшков продолжал что-то еще зудеть, а у меня вдруг дико разболелась голова. Боль билась то в висках, то в затылке: казалось, в мозг вставили раскаленный гвоздь и медленно его там проворачивают. Перед глазами потемнело, и во рту ощутимо почувствовался тошнотворный металлический привкус. Сквозь вязкую, как кисель, пелену до меня доносился голос, который монотонно бубнил, перечисляя грехи моего нового тела.

И тут вдруг такая злость меня накрыла, что я не выдержала:

— Слышь, козел, рот закрой.

Мужчину аж перекосило: он выпучил глаза и, словно выброшенная на берег рыба, хватал ртом воздух. Мне даже стало его жаль, обычно я стараюсь быть вежливой, но тут все как-то сразу навалилось, вот нервы и сдали.

Я обошла статую супруга Лидии Степановны и вошла в комнату, где проживала чета Горшковых. Обстановка

соответствовала стилю повседневной жизни простого советского гражданина: панцирная кровать с небольшой горкой подушек, светлый полированный шкаф, этажерка с проигрывателем, два стула, по центру комнаты — круглый стол под плюшевой скатертью с бахромой. На обклеенной полосатыми обоями стене — радио и вырезка с изображением березового леса. На узком окне — веселенькие занавески в цветочек. Телевизор у Горшковых был черно-белый.

Надеюсь, раскладушка здесь тоже есть, иначе придется Горшкову спать на полу. Что-то мне стало совсем грустно. Я люблю комфорт, в смысле любила... в той, прошлой, жизни... Люблю милые повседневные ритуалы — к примеру, встать утром, когда еще все спят, прошлепать босиком по мягкому ковру на кухню, сварить кофе с корицей и черным перчиком и потом сидеть в любимом кресле и пить обжигающий, чуть терпкий кофе из любимой чашки и смотреть в окно на медленно падающий снег...

А в этой жизни и обстановочка так себе, и внешность Лидии Степановны более чем заурядная, и работает она не в Академии наук. Зато в придачу ко всему этому у нее усатый супруг с кучей проблем и затруднений. Зашибись стартовые условия для попаданки!

Додумать мысль мне не дал отмерший Горшков, который оправился от потрясения и желал взять реванш:

— Ты аферистка, Лидия! И хамка! Я весь день голодный! В холодильнике только прокисший суп и котлеты. Ты же знаешь, что я не ем котлеты без гарнира. Моя мама...

— Стоп! Горшков, ты с работы во сколько пришел?

— В два часа, ты же знаешь, у меня по вторникам три урока.

— А я — в шесть часов вечера. Ты что, не мог за четыре часа отварить себе картошку или сделать яичницу?

— Ты — моя жена, и ты должна заботиться о муже!

— А что должен мне ты, Горшков? — Вот даже интересно стало.

— Я не собираюсь разговаривать с тобой в таком тоне! — взвизгнул супруг и заметался по комнате, судорожно впихивая в чемодан рубашки, брюки и прочий хлам. — Я уйду пока к маме! А ты подумай! Подумай хорошо над своим поведением, Лидия!

Когда хлопнула дверь, я вздохнула свободно и рухнула прямо в одежде на кровать. Под немалым весом Лидочки она жалобно скрипнула, и панцирная сетка прогнулась чуть ли не до пола. Блин, как здесь можно спать? Это же смерть для позвоночника. Вспомнила любимую кровать с ортопедическим матрасом, на глаза набежали слезы. Интересно, как там мои? Бедный Жорка, сколько же ему предстоит всяких неприятностей из-за меня. Хоть бы не спалился перед женой и моими. Прости, милый... От всех этих мыслей слезы хлынули из глаз в три ручья. Захлебываясь в рыданиях, я размазывала тушь по щекам и тоненько подвывала.

Неожиданно дверь скрипнула, и я услышала:

— Что, Лида, плачешь? Правильно, пореви, пореви. Такого мужика потерять. Вот ты дура, прости господи. Я всегда говорила, что добром это не кончится...

Я вытаращилась на чудо, возникшее в дверном проеме, которое продолжало вещать:

— ...ты на себя посмотри — ни кожи, ни рожи. Валерий женился на тебе, так имей совесть и уважение. Он все-таки с высшим образованием, пусть и неоконченным, из хорошей семьи, кандидат в члены партии. А ты кто? Выскачка — вот ты кто!

Наконец я смогла справиться с тушью и слезами и нормально рассмотреть нежданную гостью. Очевидно, это соседка Горшковых, иначе зачем ей разгуливать по дому в замызганном халате и бигуди, на которые накручены крашенные хной волосы. Соседка смачно затянулась сигаретой, отчего ее морщинистое лицо еще больше сморщилось, и медленно выдохнула струю дыма:

— И что теперь? Чего ты добилась этим, Лида? Не удержала мужа, сейчас на работе узнают, в партком вызовут. Останешься без премии, и перед людьми стыдоба какая...

Мне вдруг остро захотелось закурить. Так-то я в той жизни не курила... почти не курила. В студенческие годы, в общаге, курили все, а потом я, когда повзрослела, занялась йогой, ЗОЖ, какое уж там курение... И только в редких отпусках мы с Жоркой курили... и пили по утрам кофейный ликер, а вечером — вино... видимо, чувствовали себя сбежавшими от всего мира подростками, хотелось чего-то такого... хулиганского...

— Извините, можете угостить сигареткой? — Слова сами сорвались с языка еще до того, как я успела подумать.

— Лида? — вытаращила глаза соседка. — Ты же не куришь.

— Да вот... сами видите.

— Ну да, ну да, — глубокомысленно кивая, она достала надорванную пачку «Полета». — Держи...

Я вытасила сигарету и прикурила. Горьковатый дым сразу наполнил легкие, я аж закашлялась. Вторая затяжка пошла легче — прочистила мозги и принесла успокоение.

— Ты смотри, не знала, что ты куришь, — удивилась соседка, наблюдая за кольцами дыма, который я выпускала, как когда-то учил Жорка.

— Жизнь такая... — со вздохом протянула я. — Поневоле закуришь.

— Эх, как тебя... — встревожилась соседка. — Ты вот что, девонька, поешь бы тебе сейчас надо.

И правда. Я сразу почувствовала адский голод. В этом мире я еще ни разу не ела. А когда последний раз ела Лида — не знаю. Поэтому я пошла за соседкой на общую кухню. Кроме того, нужно осмотреть ареал, в котором теперь предстоит обитать. И раз появился добровольный экскурсовод, глупо не воспользоваться такой возможностью.